

Михаил
Воронков

СИНДРОМ ЗОЛУШКИ

Михаил Воронков
Синдром Золушки

«Алетейя»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронков М.

Синдром Золушки / М. Воронков — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-00165-017-1

Все начиналось как обычно. Приезжает из Америки успешный ученый на родину, чтобы попробовать снова стать русским. Открыв принципиально новое лекарство для лечения наркомании, герой, подверженный синдрому Золушки, хочет осчастливить историческую родину, но здесь вам не Америка. Всех героев романа: производителей лекарств, чиновников, силовиков, врачей-наркологов и самих наркопотребителей – вполне устраивает сложившаяся в стране ситуация с наркотиками. Из этих по отдельности милых, умных и жизнерадостных людей и складывается Россия тотального фатализма. Описанные события опираются на собственный опыт русского американца, для которого этот роман стал второй опубликованной в России книгой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-017-1

© Воронков М., 2019

© Алетейя, 2019

Содержание

2006-й: декабрь	6
2007-й: январь	11
2007: январь	13
2007-й: все еще январь	21
2007-й: февраль	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Воронков

Синдром Золушки

© М. Воронков, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Маленькое место в Кремле не хуже самого большого земного счастья. В переводе с папиного все еще не забытого советского эзопова языка это означало, что наши сукины дети такими на самом деле не являются. Почему белобрысый парнишка, с которым он в детстве с балкона бросал наполненные водой воздушные шарики на головы ничего не подозревавших прохожих, стал крупным чиновником, Алекс не знал. Но когда лет пять назад он приезжал на юбилей своей тетки, то убедился, что в российских условиях братец сделал неплохую карьеру. Чтобы не опоздать на нью-йоркский рейс, шофер Егора вез его с мигалками, фактически по встрече, а капитан пограничной службы почти бегом сопровождал Алекса до терпеливо ждущих борпроводниц «Люфтганзы».

Ровно в ту минуту, когда Алекс наконец-то натянул одеяло по самый нос и в блаженстве закрыл глаза, в соседней комнате зазвонил телефон.

– Братец, привет! – раздался в трубке жизнерадостный голос.

– Какого черта так поздно? Час ночи. Привет...

– Неправда, у нас девять утра, – перебил двоюродный брат. – Ладно, это не важно. Слушай, у тебя есть уникальный шанс.

– Не хочу шанс, хочу спать... – устало сказал Алекс. – Егор, давай завтра? Мне утром на работу... У вас, кстати, все в порядке?

– Нет, ты не понял. Ты ведь всегда плакался, что хочешь вернуться в Россию? Что тебе только бы найти хорошую творческую работу с отличной зарплатой, а?

– Ну да... – нехотя согласился Алекс.

– Тебе повезло, что у тебя есть я. Очень повезло. Впрочем, благодарности потом. Хочешь руководить большой государственной фармацевтической компанией?

После секундного замешательства Алекс сказал:

– Ну, во-первых, у меня нет такого опыта работы. Во-вторых, у меня и здесь все нормально. В-третьих... Фармацевтическая компания в России – это что, свечной заводик по упаковке мела в импортные блистеры?

– Слушай, ты никогда не задумывался, почему люди покупают лотерейные билеты или участвуют в финансовых пирамидах? Это вовсе не потому, что они лохи. Они просто мечтают о шансе одним махом вырваться из своей серой жизни. Хоп! – и ты уже миллионер, и протекающий вторую неделю сортир тебя больше нисколечко не волнует. Вот кто ты там в Штатах?

Скромный менеджер среднего звена, да? Скажи, ты там когда-нибудь сможешь стать директором крупной компании? А? То-то! И вообще, почему я должен тебя уговаривать, ведь это ты хочешь вернуться в Россию!

– Ну да, – к долговому сопротивлению среди ночи Алекс не был готов. – А что это за компания?

– Крупная, полторы тысячи человек, шесть гектаров производственных площадок в центре Москвы. В общем, фармацевтический флагман. Ты будешь командовать наукой – с квартирой, машиной и секретаршей. Короче, срочно шли резюме. На русском. Ладно, иди спать, счастливчик.

В трубке раздалась короткая гудки.

2006-й: декабрь

Кто летает в Россию зимой? Зимой надо летать во Флориду или на Карибы, ну, может быть, на юг Франции, на Кипр, но не в Москву. Впрочем, вопрос, кто летает в Россию на собеседование, был не менее риторическим, чем вопрос о зимних прогулках по Москве.

Столица Российской Федерации встретила Алекса современным, новеньким, как с иглолочки, международным терминалом Шереметьево и бесснежным, почти как в Нью-Джерси, теплым декабрем. В зале прибытия Санта Клаус в санях, запряженных нефтяной вышкой, приветливо помахал ему рукой. Прямо из аэропорта он отправился к брату на работу.

В потоке целеустремленных молодых кандидатов в чиновники, снующих с кипами бумаг и прижатыми к уху мобильными телефонами, уже состоявшихся чиновников с глубоко задумчивыми государственными взглядами и красивых девушек в строгих деловых костюмах и неизменно расстегнутыми тремя верхними пуговицами блузок, Алекс почувствовал себя туристом. Пожилой охранник в штатском тренированным взглядом нашел его в общей суеде и подозвал.

– Ваш паспорт?

Ни на секунду не отводя от Алекса прищуренного цепкого взгляда, он взял его российский паспорт. Худое, усталое, но гладковыбритое, почти инквизиторское лицо должно было вызывать уважение и трепет перед властью, располагавшейся в этом здании и в советские, и в допутинские, и в нынешние времена.

«Ах, ты вохра недобитая», – подумал Алекс, но, улыбаясь, спросил:

– Простите, какая-то проблема?

От такой непосредственности Алекса вохровец вздрогнул и внимательно посмотрел на цвет паспорта – документ был правильного, российско-советского цвета – со вздохом сверил фотографию, фамилию, заранее заявленную в журнале посещений, и с нескрываемым разочарованием вернул паспорт:

– Третий этаж, комната 324. Проходите.

Спасибо, всего вам доброго, – на автомате улыбнулся Алекс, направляясь к широкой лестнице, устланной ковром соответствующего духу времени цвета коньяка ХО.

В комнате три-два-четыре Алексу предложили чаю и подождать. В мягких кожаных креслах сидели посетители – кто на самом краешке, прилежно положив свои бумаги на колени, кто вальяжно, с достоинством попивая чай или кофе из фарфоровой чашечки. Три секретарши трудились в поте лица: принтеры стрекотали, телефоны звонили, «аутлук» с маниакальным пристрастием оглашал колокольчиком прибытие очередного сообщения. Стены украшали нарисованные маслом виды Кутузовского проспекта и Садового кольца, фотографии золотых куполов на фоне бездонного неба, зимние пейзажи с березками и неизменной прогалиной, за которыми маячили православные кресты. Из окна виднелась приготовленная к сносу гостиница «Россия», часть улицы Варварка. И, если смотреть в окно совсем по диагонали, вплотную приложившись щекой к шершавой стене, окрашенной в теплые пастельные тона, то при большом желании можно было увидеть Васильевский спуск.

Время от времени посетители, поспешно отставив чашечки, заходили в прилегающий к комнате 324 кабинет начальника через огромную дверь, похожую на лакированный шкаф красного дерева. С той же периодичностью на выходе из шкафа показывался брат Алекса в костюме в полоску, какой точно не купишь на распродаже в Масы's, участливо выведивший под руку посетителей, говоря им что-то загадочное, типа: «Степан Петрович, я сделаю все возможное для твоего представления на эту должность» или «Поймите, сейчас вопрос так не стоит, отдавать этот завод нам или нет...», «А-а-а, Илья Викторович, заходи, дорогой».

Наконец подошла очередь Алекса.

– Егор Анатольевич ждет вас, – обратилась к нему секретарша.

Узнаю брата Васю, – пошутил Алекс, обнимая кузена. – Я смотрю, ты большой начальник. Люди к тебе на поклон ходят.

Это-то? Это не люди, это коррупционеры. А костюмчик-то у тебя не очень... – сказал Егор, осматривая Алекса, и в задумчивости уставился на его утепленные американские ботинки. – А это зачем?

– Я в них себя увереннее чувствую в этой стране.

– Не в этой стране, а в нашей стране, – мягко поправил его Егор. – Ладно, у нас мало времени. Попроси Валерию распечатать твое резюме и иди к Мастодонову в 403 кабинет. Если ты ему понравишься – дело в шляпе!

– Подожди, а что нужно делать, чтобы ему понравиться?

– Не клади по-американски ноги на стол, и все будет в порядке. Главное – скажи ему, что любишь родину и не будешь воровать.

– Легко тебе говорить. Что, я так с порога ему и скажу?

Но Егор уже вернулся к письменному столу и в задумчиво перебирал бумаги. Выдержав паузу, Алекс спросил:

– А Мастодонова-то как зовут?

– Виталий Борисович, – не подымая головы, ответил Егор.

* * *

– Виталий Борисович, разрешите? – спросил Алекс, входя в просторный кабинет. Отделанное мореным дубом помещение настолько подавляло своими размерами, что даже массивный рабочий стол хозяина кабинета не сразу выделялся из окружающего пространства.

Протянув свое резюме седому государственному мужу, Алекс сел на стул для посетителей, чуть было не закинув ногу на ногу. Он закашлялся, чтобы скрыть свою оплошность, и стал ждать, пока Виталий Борисович дочитает резюме.

– А ученая степень у тебя есть?

Да, Виталий Борисович, там сверху написано «пи-эйч-ди». Это вроде кандидата наук в Штатах.

– Ну, так бы и написал, что кандидат, – строго заметил Мастодонов. – Ты Петрова знаешь?

Алекс знал нескольких Петровых, и даже одного Ильфа, но почему-то ему показалось, что общих Петровых с Виталием Борисовичем у них нет.

– Нет.

Было непонятно, понравился ли ему ответ Алекса. – А чего ты в Россию вернулся?

«Вот оно», – подумал Алекс и уже было набрал побольше воздуха, чтобы засвидетельствовать свою любовь к отчизне, но Виталий Борисович продолжил:

– Ну, приехал, так приехал. А как ты собираешься работать: по-русски или по-американски?

«Что значит работать по-русски? Не обязательно воровать?» – попытался сообразить Алекс, сообразил и быстро вывернулся:

– По-американски, но с поправкой на российскую действительность.

Виталий Борисович подозрительно посмотрел на Алекса:

– Так ты Петрова не знаешь?

– Нет.

– Хорошо. А кто такие рейдеры, знаешь?

Некоторое время в колледже Алекс встречался с Сибел – фанаткой оакландских «Рейдеров», поэтому он знал о «Рейдерах» практически все. Более того, при упоминании о «Рейдерах» он сразу вспоминал плакат с Джимом Планкетом в ее комнате. На плакате Джимми

только притворялся, что ищет на поле глазами Кристенсена, чтобы отдать пас, но каждый раз, когда Алекс занимался с Сибел любовью, он затылком ощущал цепкий взгляд знаменитого квотербэка. Алекс даже подозревал, что в особо волнующие минуты Сибел тайно любовалась плакатом сквозь длинные ресницы. Не выдержав конкуренции, Алекс вскоре переключился на любительницу художественной вышивки.

– Рейдеры? – переспросил Алекс, напуская на себя невозмутимый вид.

– Да ладно, – отрезал Виталий Борисович, – Петров тебе потом все сам расскажет.

Мастодонов поднялся и протянул Алексу руку:

– В общем, я твою кандидатуру поддерживаю. Иди работай.

Алекс тоже немедленно поднялся, пожал руку и в состоянии легкой задумчивости вышел в коридор.

* * *

Офисы «РосФармы» располагались на Баррикадной улице в двух шагах от метро. Алекс остановился около хмурого охранника на вахте: – Я к Петрову, Сергею Вениаминовичу.

Охранник долго звонил по разным номерам, безразлично кивал и снова нажимал кнопки на телефоне. В конце концов, он поднял на Алекса усталые глаза и попросил паспорт. Похоже, без проверки паспортов значительная часть населения России могла остаться безработной. Алекс молча протянул ему водительское удостоверение штата Нью-Джерси. – Ага, а это что такое? – безразлично спросил охранник. – Это мой паспорт, – в тон ему ответил Алекс.

– Чудак... – равнодушно выругался в сторону телефона охранник и принялся старательно переписывать номер водительского удостоверения Алекса в толстую регистрационную книгу.

Петров оказался энергичным и не лишенным артистических качеств. Увидев Алекса на пороге своего прокуренного кабинета, он аккуратно отложил дымящуюся сигарету на край массивной бронзовой пепельницы. Затем, выйдя из-за стола навстречу Алексу, сквозь клубы табачного дыма, как маг выходит навстречу зрителям, он пожал ему руку, похлопал другой по плечу и громогласно рассмеялся.

В Штатах Петрову дали бы на вид не менее пятидесяти лет за одутловатость лица и многочисленные, параллельные тонким губам, рельефные складки на лбу. Вообще Алекс заметил, что у многих россиян, и не только мужчин, очень морщинистые лбы. Женщины бальзаковского возраста – со лбами как стиральные доски, охранники – со лбами неаполитанских мастифов, чиновники – со лбами как двойная сплошная разметка на шоссе. Для себя он так до конца не решил отчего так – то ли оттого, что в России много мечтателей и, следовательно, люди часто в задумчивости поднимают глаза к небу, или же оттого, что скверные дороги, и нужно все время смотреть под ноги, а вперед, соответственно, – только исподлобья. Или постоянная привычка врать себе и окружающим искажает черты лица раньше срока. Кто знает? Это, думал Алекс, тот конфликт общего с частным, в котором у каждого гражданина Российской Федерации своя история каждой складки на лбу.

И случай Петрова отлично это показывал – любое формальное объяснение его морщин оказалось бы неправдой. Во-первых, как профессиональный и исполнительный чиновник, Сергей Вениаминович мечтать не умел. А во-вторых, как генеральный директор, он уже просто не мог ступать ногами на грешную землю, а перемещался исключительно на служебных машинах при шофере и телохранителе. Впрочем, возможно, что постоянное курение и сухой московский воздух не торопясь вносили свою лепту в рисунок высокого руководительского лба.

– Ну вот, наконец-то ты здесь! – смеясь непонятно чему сказал Петров, – Садись. Чаю-кофе хочешь?

И не дожидаясь ответа, Сергей Вениаминович, вернулся в кресло, неожиданно нахмурился и продолжил:

– Ситуация на предприятии сложная. Работы предстоит много, – он достал из ящика стола толстую папку, помеченную «Конфиденциально. Антикризисная программа компании «РосФарма». – На вот, почитай. Нам эту программу нужно послезавтра сдать в министерство, а мои орлы... Ну, в общем, возьми ручку, почеркай чего не то, короче, подредактируй. Нам нужно хотя бы еще листов десять. Ну все, иди. Можешь пока сесть в конференц-зале.

Произнеся все это практически на одном дыхании, он откинулся в кресле, взял новую сигарету и с удовольствием затянулся. Затем он перевел взгляд на экран компьютера и, лениво поведив мышкой, клацнул что-то невидимое для Алекса на экране.

– Да, конечно, я посмотрю. Сергей Вениаминович, но у меня к вам два вопроса, – вспоминая инструкции брата, начал Алекс. – Прежде всего, нам нужно договориться о зарплате.

При слове зарплата, не отворачивая голову от монитора, Петров молча глянул в сторону Алекса.

– Во-первых, мне нужна нормальная зарплата и место, где жить.

Сергей Вениаминович, медленно повернулся к Алексу. Выдержав паузу, Петров решительно сказал:

– Ну, хорошо, трешку.

«Три тысячи долларов в месяц» – догадался Алекс, но это было слишком мало.

– Пять после налогов, и место, где жить.

– Что б я пятеру платил мальчишке с улицы?! – Сергей Вениаминович возмущенно затянулся, держа сигарету между безымянным и средним пальцами. Прищурившись и не убирая руки от лица, он медленно выпустил дым в сторону, обдумывая причину для отказа. Казна компании была пуста, а делиться «черным» директорским фондом ему явно не хотелось. Однако чиновничья интуиция подсказывала, что, судя по звонку сверху, этот вопрос мог оказаться с двойным дном. К своей большой досаде, он никак не мог понять чиновничью ценность этого Джека Восьмеркина.

– Я профессионал, а это стоит денег, – хмуро сказал Алекс, почувствовав, что молчание затянулось. Затем, импровизируя, решительно уселся в кресло для посетителей и стал ждать. В общем, терять было нечего. То, чего он просил, было намного меньше, чем американская зарплата даже после налогов. Алекс подсчитал, что на меньшее в Москве ему было не прожить. Более того, если он не договорится с Петровым, то мучительный вопрос о переезде в Россию отпадет сам собой. Никто не любит серьезных вопросов, и всегда в подобных случаях необходимо найти обстоятельства, просто вынуждающие принять какое-нибудь решение.

Сергей Вениаминович продолжал тянуть паузу. Он где-то слышал, что чем лучше актер, тем дольше он может тянуть паузу. Сергей Вениаминович, безусловно, считал себя неплохим актером.

Затянувшееся молчание прервалось появлением двух замов Петрова.

– Серега, пошли обедать, – сказал первый, немного лысоватый, хорошо упитанный мужчина в костюме с гербами на золотых пуговицах. Заметив Алекса, он широко улыбнулся, протянул ему руку и вальяжно, почти нараспев, сказал: Валерий Сергеевич Лисицин. Отвечаю за финансы.

Второй, держа руки в карманах джинсов, сухо представился:

– Гуронов. Зам по маркетингу.

– Алекс, – коротко сказал Алекс и покосился на Сергея Вениаминовича.

Тот, обрадовавшись неожиданному вмешательству, показал жестом на Алекса:

– Вот, господа, думаю взять в команду американца.

Вероятно, ему самому понравилось, как это прозвучало и, видимо, в этот момент он окончательно принял решение взять Алекса.

– Валера, Семён, дайте нам буквально пять минут, мы сейчас его зарплату обсуждаем. Ладно?

Валерий Сергеевич, хитро посмотрев на Алекса, сказал:

– А разве американские хлопцы умеют хорошо работать? Ты ему, Серега, много не плати.

Дождавшись, пока за ними закроется дверь, Сергей Вениаминович спросил Алекса:

– Ну, как они тебе?

Алекс осторожно сказал:

– Хорошие ребята. Особенно мне понравилось Валерино чувство юмора.

Сергей Вениаминович раскуривал очередную сигарету:

– В том-то все и дело, что с юмором. Впрочем, ему ты можешь доверять, как мне самому.

Лично я доверяю ему процентов на девяносто.

– А второму?

– А вот Семен очень непростой товарищ. Я бы с ним вел себя очень осторожно.

Удивившись такой оценке, Алекс хотел было спросить, зачем тогда этого Семена держать в команде, но промолчал.

– Так вот, насчет профессионалов. У меня их – полкомпании, – хмыкнул Сергей Вениаминович. – Но мне нужны люди, которым можно доверять. Ладно, иди в отдел кадров, пусть готовят приказ.

Сергей Вениаминович был явно собой доволен и хотел первым уведомить курирующего чиновника о том, что Алекс действительно превзошел все ожидания.

– У меня есть еще один вопрос, – сказал Алекс, вставая с посетительского кресла.

Сергей Вениаминович удивленно посмотрел на Алекса.

– Мне говорили что-то про рейдеров... – с намеком сказал Алекс.

– Рейдеров? – искренне удивился Сергей Вениаминович. Чувствуя, что посетитель сам не уйдет, он опять вышел из-за стола и, проводив Алекса до дверей, сказал: – Не волнуйся, у нас тут никаких рейдеров нет. Давай, дуй в отдел кадров – пусть готовят приказ!

Когда Алекс протянул начальнице отдела кадров паспорт и сказал, что Петров берет его в команду, он и не подозревал, что процедура оформления на работу в России занимает так много времени. У него попросили какие-то справки, характеристики и заставили вручную заполнить многостраничную анкету, где сорок восьмым вопросом интересовались, был ли Алекс интернирован, а пятьдесят первым – находился ли на вражьей территории или в партизанском отряде. Вряд ли пребывание в Америке с детства могло считаться участием в партизанском отряде.

– Это что, вы это серьезно? – Алекс непонимающе посмотрел на начальницу отдела кадров.

– Пишите правду, – она даже не пыталась улыбнуться. – Вам еще предстоит согласование в первом отделе.

После знакомства с анемичными пенсионерами первого отдела было просто невозможно не проникнуться глубокой симпатией к отделу кадров. После обещания пенсионерам встать на военный учет – Господи, а это-то как делается? – бюрократические проволочки вроде как закончились. Подписывая приказ о назначении замом по инновациям, Сергей Вениаминович искренне удивился, что Алекс не мог немедленно приступить к своим новым служебным обязанностям и со скрипом дал несколько недель на то, чтобы «разобраться со своим Нью-Джерси». Ездят в России действительно быстрее, чем запрягают.

2007-й: январь

Беспилотный монорельс вез Алекса в аэропорт Кеннеди. А сколько еще таких алексов он отвез туда, а не оттуда? Наверное, дюжину, может, меньше. Уезжать из Америки в Россию? Взрослым эмигрировать в другую страну? Действительно, как сказала одна его знакомая, красиво жить не запретишь. А родители вообще решили, что ему просто не хватает адреналина.

Алекс рассеянно провожал взглядом крыши двухэтажных районов Нью-Йорка, уплывающие вдаль и теряющиеся за поворотом. «N&D Живая Птица», «Металлороботы Арона», старые, наполовину оборванные плакаты бывшего мэра Джулиани, заборы с колючей проволокой и без, заброшенные кирпичные здания, не подходившие даже для последнего приюта «сквоттеров».

Да, расставание проходит без оркестра и цветов.

Алекс с грустью вспомнил про оставленную работу. Тысячи книг написаны о том, как найти хорошую работу и как продать ее работодателю по максимальной цене. Но никто никогда и ничего не говорит о том, как правильно уходить с работы, покинуть команду или предать коллег. Попробуйте сами, и, если это вам нетрудно, постарайтесь объяснить им, зачем вы едете в Россию.

– Да, Дэйв. Я действительно уезжаю в Москву.

– Какого лешего?!

Алекс рассмотрел все возможные ответы от «меня всегда интересовало, как сложилась бы моя жизнь в России, если бы я не уехал» до «я проработал здесь уже шесть лет, это уже выглядит подозрительным в моем резюме». Сначала он выбрал неправильный ответ:

– Ну, я все же остаюсь в фармацевтике, только мне предложили более перспективную работу.

– Где, в России? – едко поинтересовался начальник.

У американцев считающим даже Западную Европу чем-то вроде Пуэрто-Рико, вызвать доверие к России очень сложно.

Хорошо, что он еще не знает про Петрова или сказочных персонажей из Первого отдела.

– Ты бы лучше сразу сказал, что из-за денег. Ведь признайся, деньги же? – пытал его Дэйв.

Дэйв был практикующим мормоном, и Алекс раз и навсегда испортил о себе впечатление, когда отпрашивался с работы на мальчишник в Лас-Вегас. Дэйв был примерным семьянином с пятью дочерьми, не смотрел телевизор и не пил алкоголь как, впрочем, и напитки, содержащие кофеин. Оказалось, что мормонам так же нельзя играть в азартные игры и смотреть вслед красивым женщинам. И поэтому Дэйв бы с большим пониманием отнесся к ознакомительной поездке в ад, чем к мальчишнику в Лас-Вегасе.

Алекс почувствовал, что нужно дать ожидаемый ответ.

– Да, Дэйв, ты прав – деньги. Понимаешь, Россия сейчас просто купается в нефтедолларах, и я не хочу упустить свой шанс.

Алексу показалось, что Дэйв посмотрел на него с пониманием. Ну, разве мог он ему объяснить, как тяжело делать карьеру иностранцу в американской компании? Конечно, будучи привезенным в страну в десятом классе, у Алекса не было совсем уж брутального русского акцента, он не распускал своих «р» и не делал все гласные подряд фронтальными. Но все равно, американцы, поговорив с ним с полчаса, что-то чувствовали и норовили спросить «а откуда вы привезли ваш акцент?». Господи, как иногда хочется быть одновременно и умницей, и принадлежать титульной нации. А это было именно то, что могла ему дать Россия.

Покинуть команду было гораздо труднее. Многих Алекс интервьюировал при приеме на работу, когда компания состояла только из восьми человек, а не из полутора сотен, как сейчас. И каждому из них он рассказывал про прекрасное будущее, которое ждет их в компании. Он

тогда и сам верил в это. Теперь Алекс искренне надеялся, что его не считают предателем. Впрочем, неамериканцы одобряли его поступок и даже немного ему завидовали: хлопнуть дверью и уйти время от времени мечтал каждый иностранец.

На прощальном ланче в пиццерии с пивом за корпоративный счет было от чего впасть в депрессию. Лучший друг Алекса, выходец из Германии, чьи первые слова при знакомстве были «Ты русский? Моего деда убили на восточном фронте... под Ленинградом», молчал и смотрел в сторону. Вице-президент компании под общий хохот подарил Алексу электрическое одеяло и термос: «Алекс, в России может быть холодно». После второго тоста Алексу показалось, что он присутствует на собственных похоронах.

* * *

Войдя в салон российского самолета, Алекс чувствовал, что его уверенность в том, что он поступает правильно, близка к нулю. Пристегиваясь в кресле, Алекс ругал себя за любовь к экстремальным приключениям. Слыша вокруг русскую речь, он внушал себе, что просто едет домой после длинного отпуска. Верилось, правда, с трудом.

– Молодой человек, вы не можете поставить мой чемодан на полочку? – пухлая дамочка в старомодной шляпке-клош показывала рукой на чемодан внушительных размеров.

– Конечно, – улыбнулся Алекс, отстегиваясь. Чемодан был тяжелый, и потребовалось несколько минут, чтобы его впихнуть.

– А вы потом мне чемодан снимете с полки?

– Легко, десять долларов – и нет проблем! – автоматически пошутил Алекс, плюхась в свое кресло и опять пристегиваясь.

– Конечно-конечно, – быстро согласилась дамочка.

Неловкость за дурацкую шутку спасла Алекса от дальнейшего анализа своего безумного шага и самообглаживания в течение долгого перелёта в Москву. Перед тем как заснуть в неудобном самолетном кресле, он успел подумать: «А смогу ли я стать русским?». В любом случае, отступить ему теперь уже было некуда.

2007: январь

Первые дни в Москве Алекс провел у Егора. Тот жил в служебной квартире на проспекте Мира. Квартира была огромной, обставленной легко узнаваемой икеевской мебелью, и совершенно бестолковой. К тому же она отличалась от обычной хрущевки только высокими потолками и наличием двух дюжин разнообразных – от пластиковых до чугунных – крашенных белой эмалью крючков в ванной. Некоторые из них были приделаны вверх ногами.

Об этом Алекс удивленно сообщил Егору за завтраком. Не оценив сарказма в вопросе о психической стабильности лучших умов коррумпированной России, Егор сказал, что крючки уже были, когда он въехал в эту квартиру.

– Кстати, – добавил он, – сегодня у нас будут гости. Купи каких-нибудь салатиков в супермаркете на Алексеевской.

Алекс сделал вид, что этот вопрос не поставил его в тупик. Во-первых, он был уверен, что все русские салаты были с майонезом, который он ненавидел с детства. Майонез с селедкой и вареными овощами, майонез без селедки с вареными овощами, майонез с картофельным салатом и курицей, который его мама называла «оливье», и еще с полдюжины других поводов, которые русские в Америке придумывали, чтобы поставить майонез на стол. Во-вторых, во время предыдущих коротких визитов к родственникам в Питер ему так и не удалось ни разу самостоятельно сходить в русский магазин. Честно говоря, общение один на один с неулыбчивыми кассиршами и стояние в очереди с зазором между людьми не более ладони его немного пугало. И в-третьих, у него еще даже не было русских денег.

– Салатиков? – переспросил Алекс, – Легко!

Алекс решил сначала разобраться с русскими деньгами. Он встал в очередь в заводскую кассу, куда Петров отправил его утром за авансом. Перед ним мрачные люди пролетарского вида (Алекс был единственным в очереди при галстук и в пиджаке) почти что в полном молчании забирали у кассира по несколько тысяч рублей, бережно складывали их в свои тощие кошельки и, горько вздыхая, расписывались в ведомости.

Стоявшие впереди вслух переживали, что денег в кассе не хватит, а те, что стояли позади – что касса закроется на перерыв до того, когда они просунут паспорт в маленькое зарешеченное окошко.

Ну как может не хватить денег в заводской кассе? «РосФарм» был прибыльной компанией, с огромным оборотом, настолько огромным, что, согласно Петрову, около миллиона долларов каждый месяц бесследно растворялись внутри стареньких стен компании, без учета взяток и воровства за их пределами.

По сравнению с этим народ брал смехотворные суммы в пятьсот рублей или тыщу в счет будущей зарплаты. Некоторым, судя по дрожи в руках и небритым подбородкам, деньги нужны были на немедленную выпивку. Другие, словно извиняясь, бубнили себе под нос – «мне на новый холодильник надо» или «у Семы пятидесятилетие». Видимо, думал Алекс, это такой российский этикет: испытывать неудобство и извиняться за свои честно заработанные деньги.

– Господи, какой холодильник, тут на жизнь людям не хватает, – обратилась к кому-то женщина, стоявшая за Алексом. – Думала, руководство поменяют, хоть зарплаты народу прибавят...

Алекс инстинктивно втянул голову в плечи и усилием воли подавил желание начать рассматривать свой, только что выданный Петровым, дорогой телефон.

Услышав про новое руководство, очередь загудела. Казалось, каждому было чем поделиться с окружающим пространством по этому поводу. Интересно, а наедине с собой они бы тоже не нашли ничего лучшего, чем ругать новых менеджеров, только приступивших к работе? Или же эта жажда справедливости была явлением сугубо коллективным?

Алекс, мысленно проклиная свой костюм американского пошива, разглядывал потертый мелкий рубчик чьей-то спины перед своим носом. Непонятно почему, ему было неловко, что он только топологически составлял с этой очередью единое целое и что очень скоро люди поймут, что он не свой, а классово чуждый представитель того самого нового руководства. Хотелось как-то незаметно выскользнуть из очереди и, может, прийти за деньгами в другой день. Но деньги были действительно нужны, к тому же нужно было купить салаты для вечеринки.

– В самом деле, – успокаивал себя Алекс, – ведь я стою в этой очереди, чтобы точно так же получить свои честные, обещанные контрактом деньги.

Он искренне обрадовался, когда сутулый потертый рубчик освободил окошечко кассира. Молча протянул паспорт. Алекс решил, что будет, как и все россияне, без удивления и всяких вопросов протягивать по первому требованию свой паспорт. Почему-то штатовские права воспринимались охранниками, вахтерами, кассирами, чиновниками и полицейскими не как проверка на здравый смысл и абсурдность ситуации, а как неуместное издевательство.

Кассир, до этого не подымавшая на посетителей глаза, пристально посмотрела на Алекса и сокрушенно, как ему показалось, покачала головой. После этого она начала выкладывать перед Алексом кипы наличных денег, так как крупных купюр у нее почему-то не оказалось. Испорченный американской цивилизацией, Алекс никогда еще не видел такое количество бумажных денег. В Штатах он редко при себе имел более одной двадцатидолларовой бумажки, да и то на маловероятный случай ограбления на улице: если вообще не иметь с собой денег, то могут и побить.

Разноцветные купюры заполнили весь маленький подоконник, и Алекс принялся неловко рассовывать бумажки по карманам пиджака. От вида такого количества денег он почувствовал, что на лице у него непонятно откуда появилась глупая улыбка.

– Это мне по контракту, – зачем-то сказал он стоявшей за ним женщине. Враждебное молчание очереди в нарушение всех законов акустики нарастало. Алексу стало стыдно, и он уронил пяти тысячную бумажку. Поднимал он ее не глядя, с застывшей улыбкой, как дрессировщик тигров, поднимающий случайно упавшую во время выступления плеть. Ему было ужасно неловко, что люди, фактически заработавшие для него все эти деньги, вынуждены перебиваться какими-то грошами. Что им самим не хватает на холодильники, на юбилеи, на поездки в отпуск, на жизнь. «Обязательно предложу на ближайшей летучке поднять всем зарплату», – сказал себе Алекс.

Поместив упавшую пяти тысячную бумажку в карман, Алекс, раздираемый самыми противоречивыми чувствами, прошел мимо смотревшей на него очереди и невольно прибавил шаг, услышав, как кассир со словами «все, денег больше нет» захлопнула окошечко кассы.

* * *

В конце рабочего дня Петров повел Алекса на встречу в загадочный угловой офис на втором этаже главного здания. Еще на этапе интервью, Алекса предупредили, чтобы самостоятельно он «туда» не ходил, словно там обитал какой-нибудь Демогоргон¹. Но глядя как «туда» и обратно снуют менеджеры среднего звена, Алекс не мог не чувствовать определенного любопытства. «Помнишь, я говорил, что у нас никаких рейдеров нет? Их-то и рейдерами назвать трудно, но и игнорировать было бы тоже неправильно», – обдумывая эти слова Петрова, Алекс молча проследовал за ним до углового офиса.

– Здравствуйте, Владимир Багратионович. Вот, привел познакомиться, – Петров сделал широкий жест в сторону Алекса. – Это дружественная научная помощь из Америки.

---

¹ Хищное существо из игры «Подземелья и Драконы»

Владелец кабинета оказался высоким, неопределенного возраста брюнетом с почти незаметной сединой в элегантной бороде, которую носят испанские знаменитости. Интересно, в его организации, как у японской якудзы бороду может носить только босс? Одет главный рейдер был в безупречно белый костюм. Носить белое в Москве – крайне рискованно даже зимой. Подзолистые почвы, как объяснял это явление Егор. Владимир Багратионович предложил им сесть и попросил секретаря принести чаю. Несколько минут он расспрашивал какими исследованиями занимался Алекс, и рассказывал, какие научные разработки ведет подчиненная ему компания «Кобраком». Алекс был, честно говоря, удивлен познаниями главного рейдера в фармакологии и, по крайней мере, пониманием современных терминов и важнейших направлений фармацевтики в Штатах. Это выгодно отличало его от Петрова, который сидел на белом кожаном диване с явно скучающим видом.

И вообще самый главный рейдер оказался очень интеллигентным и приятным человеком, который сразу расположил Алекса к себе.

– А где поселили молодого человека? – вдруг обратился главный рейдер к Петрову.

– Да не волнуйтесь, Владимир Багратионович, не оставим ночевать на вокзале, – с натянутой улыбкой ответил Петров.

– Нет, такому специалисту нужно обязательно помочь. Ему надо купить трехкомнатную квартиру где-нибудь недалеко. Как вы считаете?

– Можно я закурю? – Петров попросил у рейдера пепельницу.

Алекс поставил чашку с чаем на стол и со вниманием зрителя на теннисном матче смотрел то на одного, то на другого. Он очень хотел, чтобы Петров сказал «да не вопрос», впрочем, и простое «да» тоже было бы неплохо. В глубине души он, конечно, догадывался, что это то самое «заинтересовывание», про которое предупреждал его брат. Но в данном варианте это не выглядело взяткой или даже авансом, так как, в отличие от Петрова, от Алекса на этом заводе не могло зависеть ровным счетом ничего. С другой стороны, трехкомнатная квартира была бы как нельзя кстати, поскольку, продолжая жить у Егора, Алекс начинал беспокоиться о том, удастся ли ему сохранить свою систему ценностей. Но вопрос о квартире утонул в общем разговоре, как камушек в реке, и теперь уже Алекс молчал и со скучающим видом слушал про производственные планы и кадровые перестановки. Владимир Багратионович поглядывал на Алекса все доброжелательнее, почти по-отечески, а Петров все больше хмурился.

Под конец беседы Владимир Багратионович обратился к Алексу с налетом восточной то ли мудрости, то ли лести.

– Вы, молодой человек, правильно сделали, что сюда приехали. Позвольте маленькое предсказание: вы здесь создадите какое-нибудь очень важное лекарство и спасете много больных. В Америке бы у вас этого не получилось, – он протянул Алексу руку – Мы с вами обязательно сработаемся.

Уже в коридоре Алекс обратился к Петрову.

– Так значит с квартирой ничего не получится?

– А ты наивно полагаешь, что они бы так тебе квартиру купили бы и отдали? Конечно, нет. Просто, если бы мы там, – он указал на угловой офис, – согласились, то Владимир Багратионович уже звонил бы в министерство и жаловался на то, что новая команда вымогает у честного бизнесмена взятку.

Алекс изумленно посмотрел на него.

– И слетели бы мы отсюда, как пить дать. Да еще и карьере твоего брата это тоже бы не способствовало. Так что, дорогой зам по инновациям, нам нужно быть все время на стреме. Ничего от рейдеров не принимать, ни на что не соглашаться. Если зовут на встречу, возьми кого-нибудь из ребят. Даже корпоративную почту открывай с кем-то из наших в кабинете.

– Ну извини... – сказал Алекс ошарашенно, даже сразу не заметив, что обратился к боссу по-американски на «ты». – Ой, простите, Сергей Вениаминович...

– Ничего, можно на «ты», – покровительственно сказал Петров. – Ты хороший парень, и мне нужно знать, что на тебя можно положиться. Как ты сам понимаешь, Владимир Багратионович нам так просто этот завод не отдаст. И борьба предстоит жесткая. Сейчас на заводе фактически три команды: рейдеры, наша и средний менеджмент. Последние – это болото. Они все понимают, но не верят ни им, ни нам.

– Да неужели они не болеют за родной завод? Многие же там проработали не один десяток лет.

– Пойми, что при частой сменяемости команд здесь смогли выжить только конформисты. В любом случае, не стоит рассчитывать, что кто-то из них будет нам помогать.

– Так значит почти все на заводе чужие... А кто из нашей-то команды свой?

– Вот мы с тобой питерские, – сказал Петров. – Главный инженер – от ФСБ, как и, скорее всего, Гурунов. Наш председатель совета директоров – из Минимущества, тоже, кстати, питерский.

Алексу, с одной стороны, было приятно, что его уже не считали американцем, а своим, питерским, а с другой – ему показалось, что их команда была подобрана, скажем, не слишком тщательно. Ну какие в ФСБ или Минимущества могут быть профессиональные фармацевты – специалисты, необходимые для успешного фармбизнеса?

– А Валера? – спросил Алекс.

– Валера – мой человек, – сказал Петров, раскуривая очередную сигарету.

– Ну хорошо. А почему, если у нас такая мощная поддержка чиновников, мы просто не можем выгнать этих рейдеров?

Петров посмотрел на него скептически:

– Ты думаешь, что все так просто? Так вот, за ними – он указал сигаретой в сторону офиса Владимира Багратионовича, – стоят старомосковские чиновники.

– А это кто? – не понял Алекс.

– Потом поймешь.

* * *

– Господа, позвольте представить вам моего брата Алекса.

Большинство сидящих в гостиной отреагировали вяло: видимо, архаусный фильм Шванкмайера был интереснее.

– А, это твой очередной человеческий проект? – спросила Егора девушка, рассматривая Алекса как зверушку в зоопарке.

Ее насмешливые серые глаза смотрели на Алекса с легким вызовом:

– Молодой человек, бегите отсюда, пока можете.

– Это почему же?

– Это все, – она эффектно обвела рукой, имея в виду или квартиру Егора, или же всю Москву в целом, – как одна сплошная аллея святого Льюиса. Отсюда обратного хода нет.

– Аллея Льюиса... Это что? – не понял Алекс.

– Ну ты же американец. Ты что не слышал про самые известные опиумные клубы в Чайна-тауне Сан-Франциско? – она разочаровано пожала плечами и отошла от Алекса.

– Это Ольга, – сказал подошедший Егор, – она работает в администрации президента и ездит на курсы повышения квалификации к гвадалахарским шаманам.

– Ага, – сказал Алекс.

Он был немного удивлен, что и брат, и другие чиновники вне своих старомодных офисов выглядели нормальными людьми – в джинсах и свитерах, а некоторые и даже с тонким чувством юмора. Пиво, чипсы, консервированные оливки. Ничем не хуже американцев, если,

конечно, не считать черного хлеба и купленных Алексом салатов с майонезом. Правда, один из друзей брата все же пришел в костюме.

– Прямо от Набиуллиной, не успел переодеться, – извинился пришедший, снимая галстук, пиджак и закатывая рукава рубашки.

Пригладив волосы перед зеркалом в прихожей, он прошел в комнату, где остальные смотрели фильм.

Егор потянул Алекса за рукав и завел его в кухню.

– Этот парень управляет всем производством Российской Федерации, – вполголоса сообщил Егор.

– Как?! Ему же на вид и тридцати нет? – удивился Алекс.

– Потому что он единственный неподкупный в их министерстве.

– В смысле?

– Я сам пробовал – ничего не получается, – подмигнул Алексу Егор. – Кстати, если хочешь быть директором холдинга, поболтай с ним про ЛСД или псилоцибин, он любит поговорить о фармакологии.

– Холдинг? – пожал плечами Алекс, понимая, что чувство реальности давно покинуло его. – Окей... А как его зовут?

– Виктор. Он заочно учится на МБА в Уортоне, – Егор сделал паузу чтобы посмотреть на реакцию Алекса. – Ведь у вас там самое важное, откуда твой диплом?

– Да, конечно, – Алекс сильно удивился. – Уортон – это действительно очень круто, лучшая в мире школа бизнеса.

Егор прервал его.

– Кому ты сейчас об этом говоришь? Иди скажи это ему!

Вернувшись в комнату, Егор громко спросил:

– Ольга, чем сегодня ты нас порадуешь? Будут ли это гвадалахарские кактусы, флоридские мухоморы или сальвинориновый шалфей?

Ольга извлекла откуда-то полиэтиленовый пакетик со светло-серым порошком и улыбнулась:

– Я думаю, это устроит всех.

– А что это? – спросил Алекс и немедленно почувствовал наивность своего вопроса.

Ольга загадочно посмотрела на него:

– Джеква чистая есть? Только под Шванкмайера вряд ли стоит это пробовать.

– Ну... – Егор пощелкал пультом, – есть еще «Южный парк», футбол... А вот, кстати, если кому интересно, дебатировать про наркотики.

На экране молодая женщина-эксперт с короткими, мелированными кармином волосами рассказывала про заместительную терапию для наркоманов. Аудитория и остальные эксперты в студии неистовствовали.

– Нет, – сказала Ольга, – слишком много отрицательной энергии.

– Хорошо, – согласился Егор. – Может, тогда ты хочешь смотреть Первый канал?

– Да уж, выбор невелик. Давай футбол.

Она оказалась права. Под вялую игру сборных России и Украины можно было делать все что угодно, даже заснуть.

– Слушай, а в администрации много таких, как она? – поинтересовался Алекс у Егора, когда Ольга пошла на кухню искать чистую джекву.

– Думаю, нет. Уверен, что там даже не подозревают о ее чудесном хобби, – пожал плечами он. – Ольга там просто одна из полутора тысяч серых мышек, работающих на благо страны.

Около двух часов ночи, когда гости разъехались на своих служебных машинах, Алекс с братом молча поскуривали на кухне.

– Честно говоря, сложно. Я привык к работе в лаборатории, а вся эта бесконечная бюрократия...

– Хм... Это еще цветочки. Самое главное здесь – когда выходишь в коридор, спеши, куда бы ты ни шел, и обязательно держи в руках какую-нибудь бумажку. Пусть все видят, что ты очень занят.

– И это самый лучший совет, который ты можешь дать начинающему бюрократу?

– Поверь мне, это работает безотказно.

Это было странно, как и многое другое в корпоративной России.

– А что за холдинг ты упоминал, когда рассказывал про Виктора?

– Все очень просто – фармацевтический холдинг на базе «РосФарма». Виктор думает объединить его с парой профильных институтов, чтобы создать нормальную инновационную фармацевтическую компанию, способную конкурировать с вашими «пфайзерами» и «мёрками». Если ему потребуется помощь, он сможет на тебя рассчитывать? Ну и прекрасно. Посидишь с годик в замах на «РосФарме», а когда Виктор определится с холдингом, то мы тебя передвинем дальше. Ты, надеюсь, не против?

Алексу в ту ночь приснился Владимир Багратионович, уплетавший сочные гамбургеры в компании Джорджа Буша – сок пополам с кетчупом капал на стол и на их на рубашки. Не вытирая рук, главный рейдер похлопал Алекса по плечу и сказал: «Молодой человек, не волнуйтесь, в России вы обязательно будете богатым».

* * *

Утро выдалось отвратительнейшим. Во-первых, молоко в холодильнике прокисло. Так что кофе выпить не получилось. Согласно дате на упаковке, молоко должно было быть свежим еще два дня. Алекс проверил хозяйский холодильник – лампочка исправно загоралась при открывании дверцы и гасла при ее закрытии. Впрочем, из-за не заклеенных окон в кухне было достаточно холодно и без всякого холодильника. Во-вторых, термометр за окном показывал двадцать два градуса мороза, и остроносые офисные ботинки на тонкой подошве, порекомендованные братом, который передвигался исключительно в машинах стоимостью в годовую зарплату Алекса и выше, совершенно не подходили для московского климата. Выбор же между престижностью часового сидения в служебной машине брата на бесконечной парковке, именуемой Садовым кольцом, и пятнадцатиминутным путешествием на метро был сделан Алексом однозначно в пользу последнего. Выход из дома в седьмом часу утра, пробежка по эскалатору вниз и вверх к серым четырехэтажным зданиям «РосФармы».

В это время радиальные ветки уже переполнены сонными работягами во вьетнамских джинсах, мелкими клерками в галстуках китайского производства, торговцами с огромными клетчатыми сумками и помятыми тинэйджерами во вчерашних одеждах, внутри Кольцевой все еще существует некое приватное пространство. Впрочем, оно было весьма условным и неустойчивым. В такие минуты Алекс, конечно, вспоминал про свой старенький шевроле в теплом гараже за шесть с половиной тысяч миль отсюда. Вообще, в Америке Алексу по-настоящему нравились только две вещи – пульт управления гаражом, и, разумеется, конституция страны.

Выйдя с толпой из тепла станции метро «Баррикадная», Алекс купил плюшку с маком, но не сделал и двух шагов, едва не споткнулся о тело, лежавшее на тротуаре рядом с киоском и мешавшее прохожим спешить на заработки хлеба насущного. Люди равнодушно старались обойти его, тыкались друг другу в спины, особенно спешившие нетерпеливо перешагивали прямо через ноги лежавшего молодого человека. Глаза его были закрыты, хлипкая куртка и рубаха задрались, обнажая посиневший живот.

– Вот, уже с утра надралси... – проворчала старушка с сумкой на колесиках и, оскорбленно поджав губы, прошла мимо. Алекс наклонился над телом – парню было от силы лет двадцать и от него не пахло спиртным. «Коньки отбросил, что ли?» – подумал Алекс. Он еще никогда не видел покойников. И этот стал бы у него первым, так что Алекс не хотел ничего упустить. Как неоднократно показывалось в фильмах, Алекс протянул руку и потрогал пульс на шее у парня. Шея была липкая и холодная. Пульса же в потроганном месте не оказалось.

«Лучше вызвать скорую», – подумал Алекс. Он достал мобильник и задумался: «03 или 02?» К сожалению, из детства он помнил только ярко-красные машины с большими колесами и белыми цифрами 01. Нерешительно он набрал привычное 911 и, к своему большому облегчению, услышал голос автоответчика:

– Здравствуйте, вы позвонили в круглосуточную службу «Спасатель». Это платная телефонная услуга, если...

Телефон был корпоративным, и Алекс относительно спокойно прослушал три минуты электронной версии Сороковой симфонии Моцарта. В конце концов, в трубке раздался жизнерадостный женский голос:

– Служба «Спасатель», вас слушают.

– Здравствуйте, – начал Алекс неуверенно. – Тут на тротуаре лежит тело человека...

– Понятно, труп, – перебила девушка. – Ничего не трогайте и звоните в полицию. Это не к нам.

– Нет, я не уверен, – признался Алекс. – Может, и не труп, вроде крови не видно.

– Так он живой или нет? Что вы мне голову морочите? – нетерпеливо спросила оператор. Алекс успел подумать, что в платном телефонном сервисе оператор могла бы быть и пожеливее.

– Не знаю.

– Ну, хорошо, – смягчилась девушка. – Какой адрес?

– Метро Баррикадная, улица... Одну секунду, – табличек с названием улицы видно не было. Попытки узнать у прохожих тоже ни к чему не привели.

– Девушка, наваждение какое-то. Понятия не имею, что за улица.

– Мне нужен адрес.

– Ну, это рядом с выходом с радиальной, тут еще казино какое-то...

– Молодой человек, вы что, в первый раз в столице? – спросила девушка. – Ладно, позвоню в скорую. Стойте рядом с вашим телом и никуда не уходите.

Положив телефон в карман, Алекс с чувством выполненного долга повернулся к виновнику происшествия. К его удивлению, над телом склонилась молодая женщина. Где он уже мог ее видеть? Алекс удивился тому, что, несмотря на явную сюрреалистичность ситуации – покойник, собачий холод и отсутствие кофе – он отметил, что женщина была симпатичной. Говорят, что знакомства в экстремальных ситуациях ярче всего. Но, может быть, это дурной тон знакомиться на улице возле покойника? Черт его знает.

Пока Алекс размышлял, женщина посадила молодого человека, прислонив спиной к боковой стенке киоска. Затем, откинув со лба карминовую прядь волос, она со знанием дела проверила реакцию зрачков. Затем, скептически покачав головой, стала бить парня по щекам. Алекс не встретал, хотя он первым подошел к этому кандидату в покойники. Он стоял рядом и с интересом наблюдал, как парень, очнувшись, возмущенно заморгал, поднял было руку, чтобы защитить лицо, но на полпути снова впал в транс. Молодая женщина с удвоенной энергией отвесила парню оплеуху, однако с весьма незначительным эффектом.

Парень сполз обратно на землю и не подавал признаков жизни. Вздыхнув, женщина, четко и медленно произнося каждое слово, сказала парню:

– Если откроешь глаза – покажу тебе грудь.

К изумлению Алекса это подействовало. Парень с трудом открыл глаза и долго не фокусирующимся взглядом смотрел на незнакомку.

– Черт, налоксона с собой нет, – пробормотала женщина и, не оборачиваясь к Алексу, сказала, – Помогите мне его поднять.

Алекс не возражал.

– Нет проблем. Только вот скоро все равно приедет скорая, – заметил он. – Вы можете идти, я его покараулю.

– Во-первых, они с ним возиться не будут – в лучшем случае сдадут в полицию. Во-вторых, сейчас на Садовом пробки и будут они здесь через час, не раньше, а в-третьих... – тут она остановилась и в первый раз внимательно посмотрела на Алекса. – Ты что, серьезно вызвал скорую?

– Конечно.

– Это твой знакомый? – она оглядела Алекса с головы до ног, задержав взгляд на навакшенных остроносых ботинках.

– Нет, я просто шел на работу, а он тут... я... чуть не споткнулся.

Парень тем временем пришел в себя и стал испуганно озираться. Женщина снова переключилась на него, стала что-то ему говорить, парень нехотя кивал. Затем, недослушав ее, он с трудом пробормотал:

– А... грудь?

– Как-нибудь в следующий раз. Радуйся, вообще что жив остался, – сказала женщина. Обиженно поморгав, парень повернулся и медленно, как во сне, побрел в сторону метро.

– А что с ним было? – спросил ее Алекс, мучившийся тем, что для знакомства ситуация на редкость неудачная.

– Наркоман, обычное дело.

Не придумав ничего, чтобы остановить незнакомку, Алекс изобразил понимающую улыбку. «Дурак, русские не улыбаются!» – вспомнил он и растерялся.

– А ты странный, – улыбнулась в ответ незнакомка и растворилась в людском потоке. «Наверное, тот, кто придумает как вылечить наркоманию, в этой стране будет очень небедным человеком. По крайней мере, у него не будет проблем со знакомствами на улице.» – думал Алекс, подходя к офису.

2007-й: все еще январь

Рассматривая данные продаж за неделю, отсканированные для него Машей – помощницей коммерческого директора, Алекс тревожился: а будет ли у него работа через месяц или, в лучшем случае, через полгода. Не рано ли он променял спокойную американскую жизнь на полную российскую неопределенность?

Он вспомнил утренний разговор с Петровым.

– Алекс, понимаешь, нам, чтобы поднять это предприятие самим, не хватает реперных точек.

– Каких точек?

– Реперных... – начальник посмотрел на него непонимающе. – Короче, нужна идея. Нужен новый препарат, какой-нибудь «блокбастер», который сходу бы отлично продавался. Очень нужен, и нужен вчера.

– Ну продажи и продвижение препарата – это вопрос к маркетингу, – начал было Алекс.

– Да нет у нас времени на маркетинг. Нам нужно что-нибудь вроде арбидола².

– Арбидол раскручивали с подачи Минздрава и, к тому же, в течение многих лет, прежде чем он стал блокбастером, – заметил Алекс. – Мы, конечно, можем обойти или взломать их патент, но все равно нужны будут время и деньги на раскрутку. Да и самому Минздраву вряд ли это понравится.

По взгляду Петрова Алекс чувствовал, что тот хотел бы услышать что-то другое.

– А ты не мог бы подогнать какой-нибудь западный препарат? Я читал, что лидер продаж в прошлом году был... ну как этот препарат против холестерина называется? Его еще на одиннадцать миллиардов долларов в прошлом году продали...

– Аторвастатин? – подсказал Алекс.

– Вот именно! Нам бы получить лицензию на такой препарат... – Петров вопросительно посмотрел на Алекса.

До Алекса наконец-то дошло, что Петров имел в виду. Почему бы лицензию на препарат, в разработку и продвижение которого крупнейшая фармкомпания мира «Пфайзер» вложила не один миллиард долларов, не дать поносить маленькой российской компании, которая, даже если ее удастся отбить у рейдеров, без пяти минут банкрот? «Уверен, что наше предложение сильно повеселит акционеров «Пфайзера»», – подумал Алекс.

А вслух он сказал:

– Конечно, я подумаю, что можно сделать.

Алекс и не догадывался, что возможность протестировать утопический вариант, похожий на предложенный Петровым, представится ему очень скоро.

* * *

Под вечер, когда Алекс подумывал, что если Петрова уже нет на заводе, то пора бы тоже идти домой, он был удостоен личного визита главного рейдера. Впоследствии Алекс часто старался вспомнить детали, но постепенно пришел к выводу, что скорее всего никакого визита и не было, а все что происходило, относится к разряду наваждений, дежавю или ложной памяти. Опешив от бестактности Владимира Багратионовича, решившего, видимо, скомпрометировать Алекса в глазах Петрова своим появлением и разговором без свидетелей, он нарушил все инструкции и даже не позвонил никому из своих.

---

² Российский препарат, который, по распространенному мнению, лечит грипп.

Войдя в кабинет, главный рейдер огляделся по сторонам со скептическим видом, словно ему не понравился офис Алекса цветом обоев или высотой потолка. В руках у Владимира Багратионовича был большой и красивый подарочный пакет, перевязанный пышной белой лентой. В верхнем правом углу был изображен логотип его рейдерской компании «Кобракома».

– Вот подарок от «Кобракома», – довольный произведенным впечатлением, сказал гость, протягивая Алексу пакет.

– Я от вас ничего не возьму, – Алексу показалось, что возразить можно было и более уверенно.

– Берите-берите, это не взятка, а предупреждение. Хотя вы в России еще многому научитесь – и брать взятки, и даже давать. Ведь, как вы там это называете, любовь к желтому дьяволу – это вполне ожидаемая американская аффликция. Но дело даже не в этом. В России не любят всяких self-made man, а любят жертв обстоятельств. Поэтому вы производите впечатление выскочки, который считает, что от него хоть что-то в жизни зависит. А на самом деле, никакого случайного везения или, что немаловажно, неудач в Москве не бывает – все за вас уже и так решено. И чем раньше вы это поймете, тем меньше у вас будет потерь личного характера.

Слышать все это было, по крайней мере, очень странно. Кем решено? Было не похоже, что намекали на Егора.

– Подождите, – возмутился Алекс, – почему вы мне все это говорите?

– Почему? – Владимир Багратионович положил пакет с лентой на стол Алекса. – Потому что у меня на вас большие планы. Вы можете сколько угодно говорить себе, что вам не нравится быть американцем и вы хотите стать русским. Но на самом деле, и я допускаю, что вы можете этого еще сами не понимать, вы приехали сюда не для этого. А чтобы просто стать богатым, заработать денег, разве не так?

Алексу стало не по себе, он вспомнил о своем сне, в котором главный рейдер тем же тоном говорил ему то же самое. Он хотел что-то возразить, но словно под гипнозом Владимира Багратионовича остался молча сидеть в своем кресле.

Посетитель направился к двери, но, прежде чем выйти, произнес:

– Хорошо, вы будете богатым. Только не забывайте, что я вам сказал.

Что это было? Явно не попытка скомпрометировать, скорее – завербовать. Но почему-то казалось, что цель была намного более расплывчатой и зловещей, выходявшей за пределы бизнеса и вторгавшейся в личную жизнь Алекса. Особенно ему не понравилось, что главный рейдер догадался, что Алекс безнадежно застрял между американцем и русским.

Алекс, как и полагается человеку в смятении, вышел в пустынный коридор – где же все? Ах да, уже полшестого... Он пошел в одну сторону, потом решительно направился в другую. Дойдя до офиса Петрова, он подергал ручку запертой двери и вернулся к себе.

На его столе по-прежнему лежал злополучный пакет с лентой. Помня наказ Петрова не открывать никаких незнакомых пакетов в одиночку, а тем более от «Кобракома», Алекс пошел к Валере и застал его стоящим у стола и собирающим обрывки оберточной бумаги и скомканную белую ленту.

– Тебе что, тоже пришел пакет? – озадаченно спросил Алекс.

– Ага, – ответил Валера, разглядывая что-то на столе и засовывая собранные обрывки в корзину для бумаг. – Они это всем нашим хлопцам прислали.

Валера что-то рассматривал на столе, заваленном финансовыми отчетами с бесконечными таблицами чисел, просторными графиками производства различной продукции «РосФарма» и еще всякими разными бумажками. Алекс подошел ближе и увидел, что это был большой красочный календарь на дорогой глянцева бумаге. Темой календаря был мир подретушированных добрых животных – месяц румяного снегиря, месяц улыбающегося дельфина, месяц целующихся белых лебедей. На обложке же красовалась лохматая морда серо-коричневого волкодава с обрезанными ушами. Эта тварь, выжидающе замерев, не сводила своих

оловянных глаз с Алекса. Большая надпись под фотографией доходчиво сообщала «Лучше с нами!».

– А что, неплохой подарочек от «Кобракома», – Валера взял календарь со стола и стал прикидывать, куда его повесить.

Рассказать Валере про визит главного рейдера или нет? Утаивать от своих правду было как-то неловко. Но и давать возможность подозревать себя в том, чего не было, тоже не хотелось. Алекс не знал, что делать.

– У тебя чаем сегодня угощают?

У Валеры всегда угощали вкусным и дорогим чаем, это знали все свои.

Валера указал на столик в углу:

– Чайник только вскипел. Завари по дружбе на меня тоже.

У Валеры было несколько видов листового чая, которые можно было купить только в особых чайных магазинах. Пока Алекс заваривал взятый наугад чай, Валера задумчиво сказал:

– Понимаешь какая штука. Нас завели на это предприятие, а нам его брать никак нельзя – все поставщики и сбыт работают на рейдеров. Без их «Кобракома» всё сразу обвалится.

Нет, наверное, лучше сейчас Валере о странном визите Владимира Багратионовича не рассказывать.

– Но эти хлопцы еще те плохиши, – продолжил Валера. – Мало того, что эти гады с нашим приходом волокут отсюда все, что могут, – от патентов на лекарства до оснастки таблеточных прессов, они под неликвидный товар набрали кредиты. Заметь, не на рост, не на новое оборудование или инфраструктуру. Кредиты прямехонько идут на зарплаты, поскольку завод весь в долгах как в шелках. А ты догадываешься, как эти кредиты придется возвращать? Это давно известная схема. Здесь нет, как вы там на голливудщине говорите, «хэппи-энд».

И чтобы рассеять в голове американца всякие иллюзии, Валера подытожил:

– Завод вынужден будет расплачиваться землей, на которой находятся наши же производственные площадки... Вот ради чего, собственно, и идет вся эта мышьяная возня. Так что не брать власть – тоже беда.

– То есть ты хочешь сказать, что наша команда, как долгоиграющий проигрыватель – сколько бы мы здесь ни продержались, мы все равно проиграем? – попытался пошутить Алекс.

– Точно. Если встанем хоть на день, то банки, подконтрольные старомосковским, нас обанкротят. А перекредитоваться в других банках с нашими долгами просто невозможно.

Уже во второй раз Алекс слышал про старомосковских чиновников. Невидимые, но всемогущие, они теперь представлялись толстыми, самодовольными упырями из сказок, которые ему в детстве читал отец. Увидев, что Алекс совсем загрустил, Валера спросил:

– Ну что, учат ли этому у вас в Америке?

– Нет, – вздохнул Алекс. – Что можно сделать?

Прежде чем Валера успел ответить, в кабинет вошел Петров. Алекс готов был поклясться, что еще несколько минут назад дверь в приемную Петрова была закрыта.

При виде генерального сработал американский инстинкт, и настроение у Алекса сразу улучшилось – ведь фэйс-тайм с начальником прямо пропорционален карьерному росту. Он мгновенно забыл о незваном посетителе.

Внимательно посмотрев на Алекса, Сергей Вениаминович обратился к Валере:

– Я поговорил с «Кобракомом» насчет еще одной капсульной машины. Они готовы дать свою за тридцать тысяч в день. Потянем?

Валера задумчиво почесал затылок.

– Вот же жулье! Новая капсульная машина, пусть даже китайского производства, стоит от силы два миллиона. Это же почти пятьсот процентов годовых!

Валера повернулся к Алексу и объяснил:

– Мы думали удвоить выпуск аллохола – он у нас топовый препарат.

– Ну так зачем нам «Кобраком?» – удивился Алекс. – Давайте сами скинемся и свою поставим. За тридцать процентов годовых я даже готов заложить свой дом в Нью-Джерси.

Петров задумчиво затянулся сигаретой и пристально посмотрел на Алекса.

Валера улыбнолся и похлопал Алекса по плечу:

– А что? Американец предлагает дельную мысль.

Петров покачал головой:

– Да брось ты, ну как мы ее поставим? У нас тут государственное ОАО, и мы здесь управленцы.

– Но ведь у завода нет денег, банки нам в долг не дают, а капсульная машина нужна для бизнеса?! – удивился Алекс.

– А скажи, пожалуйста, как ты будешь это прокурору объяснять? – Петрова иногда раздражала наивность Алекса. – Ты ему так сразу и скажи, что хочешь получать с госпредприятия выгоду себе в карман.

– Но ведь это и для бизнеса выгодно, – не сдавался Алекс. – А если бизнес нам не важен, зачем мы тогда здесь вообще собрались?

– Пойми, нас сюда поставили отстаивать интересы Российской Федерации, а ее интерес на сегодняшний день заключается только в том, что это предприятие нужно отбить у рейдеров любой ценой.

Петров был прав, нужно вернуть государству украденную компанию. Украденную жадным и всемогущим «Кобракомом». Да-да, как в сериале «Неприкосновенные», когда несколько умных и отчаянных парней вывели на чистую воду могучую чикагскую мафию. Алексу стало стыдно за свои меркантильные мысли пятиминутной давности.

* * *

Через неделю на территорию завода въехал большой грузовик, с которого сгрузили новенькую капсульную машину. В тот же день Валера пришел к Алексу в кабинет и протянул конверт с купюрами.

– Это тебе премия за идею.

При виде конверта в Алексее, видимо, проснулась генетическая память, и он взял его без лишних вопросов. С одной стороны, ему было приятно, что наконец-то его идею оценили и что бизнес все-таки являлся для их команды приоритетом. С другой стороны, было немного обидно, что ему не удалось самому инвестировать в этот проект. Непонятно, почему Петров не видит, что такие инвестиции менеджеров должны вселять уверенность в процветании компании не только простым работникам, но и банкам, у которых так отчаянно пытался перекредитоваться «РосФарм».

Вечером Алекс с гордостью рассказал Егору про конверт. Реакция брата поставила его в тупик.

– Да я уже слышал от Петрова, – сказал Егор – Ты его сильно повеселил, когда пошел к Валере расспрашивать, как правильно заплатить налог на эти деньги.

– Почему? Ты думаешь, что это взятка? – тревожно спросил Алекс.

Неужели Владимир Багратионович был все-таки был прав – money, деньги, бабло, а вовсе не желание быть умницей в своем отечестве привело его на «РосФарм»? Нет-нет, это невозможно!

Но с другой стороны, что значит это расплывчатое «быть умницей»? Здесь, чтобы карабкаться по социальной лестнице, это было совсем необязательно. Но все-равно получалось, что ему нужно было куда-то туда наверх. Раздираемый противоречиями, Алекс спросил:

– Откуда вообще взялись эти деньги, неужели это все-таки взятка?

– Тебе? Взятка? – засмеялся Егор. – Должен тебя разочаровать, уж тебе-то взятку точно никто не даст. Даже ради меня.

Алексу почему-то показалось обидным то, что он не достоин взятки:

– Это еще почему?

– Ну ты же американец. Ты любишь, как это по-вашему, «челендж», ну, вызов. Чем он круче, тем труднее тебе от него отказаться. Поэтому если тебе отформатировать задачу соответствующим образом, то и никакой взятки тебе не нужно.

– Так почему тогда эта «премия»? – не сдавался Алекс.

– Ты деньги взял? Взял. Значит тебе можно доверять. Это такой «тимбилдинг».

– Так же, как пресловутая баня с бабами и водкой?

Егор кисло улыбнулся. Иногда ему казалось, что он не сможет сделать из Алекса настоящего русского.

* * *

Очень скоро Алекс стал приезжать на работу приезжать к десяти часам. Как и ранним утром, в это время в вагонах метро опять можно было свободно дышать и даже не касаться разных частей тела других пассажиров. Впрочем, слегка бронированный, по словам Гуронова, с тонированными окнами БМВ Петрова въезжал во двор компании только в половине одиннадцатого, так что приезжать раньше особого смысла не было. Алекс хорошо помнил, что американские менеджеры любят не тех, кто приходит раньше них, а тех, кто остаётся работать после того, как они уедут домой. Он надеялся, что в России это работает так же.

Пройдя мимо почему-то распахнутой раньше обычного времени двери в приемную генерального, Алекс миновал дверь кафетерия для топ-менеджмента, из-за которой уже пахло чем-то вкусным. Обычно через полчаса после приезда генерального там начинали подавать обед из пяти блюд, доступный большую часть рабочего дня.

Такие обеды плюс сидячий образ жизни менеджера высшего звена – прямой путь к метаболическому синдрому, и Алекс, не замедляя шаг, направился к себе в кабинет. «Лучше я попью чай», – подумал он.

Открыв ящик стола, Алекс обнаружил, что пакетики с чаем закончились. Взяв кружку, он зашел в соседний кабинет пресс-секретаря завода.

– У нас беда, – сказала Маша убитым голосом. – И меня завтра Петров просто уволит.

Стройная и милая Маша, которая в разговоре подходила к собеседнику почти вплотную просто в силу своей близорукости, сидела за рабочим столом и неподвижно смотрела прямо перед собой, обхватив голову двумя руками. Алекс с сожалением посмотрел на кружку в руке, с грустью подумав об эспрессо и неосветленном паточном сахаре, который Маша покупала в «Азбуке вкуса». Алекс любил добавлять его, не размешивая, в двойной эспрессо с густой кофейной пеной, который готовили только в приёмной Петрова. Разбиваясь о коричневые кристаллики сахара на дне фарфоровой чашки, остатки кремовой пены придавали последнему глотку горького напитка привкус сладкой патоки. Вздохнув, Алекс посмотрел на Машу и спросил:

– Машенька, а почему ты решила, что это ужасное событие наконец-то произойдет именно завтра?

– Не подкальвай, – ответила Маша, по-прежнему не глядя на Алекса. – Завтра приезжают итальянцы.

– Какие итальянцы?

– Вот в этом-то вся и проблема, – она подняла на Алекса свои красивые серые глаза. – Этого как раз никто и не знает.

Заметив некоторое замешательство на лице Алекса, она продолжила:

– Пару месяцев назад Петров ездил в бизнес-тур по Европе. Ты, наверное, не помнишь. Так он же там не просыхал, вот и наговорил невесть чего непонятно кому. А теперь эти всякие итальянцы и прочие шведы едут к нам.

– Ну так ты спроси, что он пообещал итальянцам.

В глазах у Маши показались слёзы:

– Уже спрашивала. Он не помнит.

Дверь в Машин кабинет снова открылась, и на пороге возник Гуронов:

– Маш, у тебя к чаю чего-нибудь есть?

– Семён, у нас катастрофа.

Гуронов посмотрел на Алекса. Алекс пожал плечами. Тем временем Маша принялась повторно рассказывать, почему ее завтра уволят.

Дослушав печальный рассказ, Гуронов еще раз поинтересовался:

– У тебя есть к чаю сушки или пряники?

При этих словах Маша молча вытащила из сумки и бросила на стол пакет с маковыми сушками. Гуронов удовлетворённо кивнул и продолжил:

– А с итальянцами все очень просто. Тебе всего лишь нужно срочно найти другого крайнего.

– Ты что, не знаешь, что у Петрова всегда крайняя я?

– Маша, – Гуронов укоризненно посмотрел на нее. – Не будь нытиком и маловером. Кстати, небезызвестная тебе Марина из инновационного отдела, кажется, говорит по-итальянски.

– Эта та фифа, что ходит к Петрову чуть ли не в neglige? Да она же дура безмозглая, все дело завалит!

Злые языки утверждали, что Маша была влюблена в Петрова, но никаких признаков их романа Алекс не замечал. Гуронов открыл пакет с сушками, взял несколько и довольно сказал:

– Ну а я о чем говорю?

На других этажах управления инновационный отдел за глаза цинично называли «девушки с Ленинградки»³. Дело в том, что Петров был честным парнем и не мог оставить бывших любимых девушек в беде. Другие игнорировали бывших любовниц, подозрительно смотрели на общих друзей или переезжали в другую съемную квартиру. Но не Петров! Сергей Вениаминович нанимал их на работу. Поскольку у многих курирующих чиновников тоже были свои любимые девушки, то со временем образовался целый отдел, в который все замы генерального опасались заходить, от греха подальше.

– Маш, если хочешь, я погуглю этих итальянцев, – предложил Алекс, – может, пойму, что им от Петрова надо.

Компьютер выдал с сотню ссылок на компанию итальянцев. Ознакомившись с миссией компании, Алекс открыл ссылку на их продуктовый портфель. Среди трех десятков различных препаратов значился опиатный препарат бупрофиллин. Вспомнив, какого феерического успеха «Фармстандарт» добился с другим опиатом – кодеином, Алекс залез в справочник Машковского, только для того, чтобы через минуту его захлопнуть. Бупрофиллин, хоть и был опиатом, не вызывал ни наркотической эйфории, ни привыкания – необходимых слагаемых мгновенного коммерческого успеха. Как известно, морфин был выведен на рынок малоизвестной аптекой, с которой началась одна из крупнейших в мире фармкомпания «Мерк». Аналогичным образом героин стал блокбастером для «Байера», а метадон для «Авентиса» и «Эли Лили». Все эти уважаемые ныне фармкомпании и сейчас входят в десятку богатейших в мире. По этому пути в России пошли «Фармстандарт» и «Верофарм», которые плотно посадили на кодеин практически всю страну. И если в 1827 году морфином предполагалось лечить зависи-

---

³ Секс-работницы с Ленинградского шоссе.

мость от опиума, героином – уже от морфия в 1874-м, а метадоном – от героина в 1965-м, то кодеином в России решили лечить кашель и простуду. Над этическим аспектом – стоило ли спасать завод таким вот образом – Алекс думал еще несколько минут. Но предлагаемый итальянцами бупрофиллин для этого все равно не годился, так как не был наркотиком.

Итальянцы прибыли вовремя. Вместе с Алексом в переговорной их встречали, едва скрывая своё недовольство разрушенным рабочим днем, Валера и Гуронов. Маша благоразумно пряталась в своем кабинете, Петров еще не приехал, а единственный человек, говорящий по-итальянски, – ответственная за корпоративную презентацию Марина – опаздывала.

С легкой тревогой поглядев на братьев-замов, Алекс широко улыбнулся и протянул руку первому вошедшему итальянцу:

– Добро пожаловать!

Видя, что гости не понимают по-русски, он перешел на английский:

– Позвольте представить мистера Лисицына и мистера Гуронова. Мистер Петров присоединится к нам через несколько минут.

Человек, которому Алекс пожал руку, не улыбаясь представил итальянскую делегацию:

– Мистер Пеллизоне-старший, Мистер Роберт Пеллизоне и мистер Антонио Пеллизоне.

Меня же зовут мистер Врубич.

По фамилии и акценту Алекс понял, что перед ним серб или хорват, который наверняка прекрасно понимает и по-русски.

Все что происходило дальше, походило на кошмарный сон. Переговоры начались с маленькой проблемы: помимо отсутствия Марины и генерального, отсутствовал и договор о конфиденциальности. Найденный в почте недельной давности и тут же распечатанный злосчастный договор был без перевода, и Гуронов немедленно его подписал, вполголоса заметив Алексу, что в таком виде он все равно не имеет законной силы на территории Российской Федерации.

Настроение у Алекса явно улучшилось, когда появившаяся с получасовым опозданием Марина с ходу на итальянском начала стандартную презентацию «РосФарма».

– Сейчас посмотрим, как эта дивчина обрабатывает наши денежки. Мы же ей оплачиваем обучение в МГИМО, – подмигнул Валера Гуронову.

Однако Алексу снова стало очень тоскливо, когда мистер Пеллизоне-старший, вежливо дождавшись последнего слайда, попросил вести переговоры на каком-нибудь другом языке. Марина поджала губы и демонстративно вышла из переговорной. После этого переговоры на какое-то время вошли в более или менее нормальное русло, несмотря на то, что Петрова до сих пор на заводе не было. Алекс подумал, что у Сергея Вениаминовича была прекрасная интуиция на неприятные для себя ситуации.

Обедать Алекс и Гуронов повели итальянцев в самый дорогой ресторан в округе «Гусят-никоф». Между щучьими котлетками и черемуховым тортом были поданы перепелки, начиненные абрикосами, на которые у серба оказалась аллергия. Беднягам определенно не везло. Победоносной точкой дорогого обеда стало то, что в гардеробе у Пеллизоне-младшего пропала позолоченная кокарда с поддельной генеральской овечьей шапки.

Переговоры возобновились часа в три и наконец-то итальянцы и русские перешли к конкретике.

– Нам нужны новые инновационные препараты, – сказал Гуронов.

– Да-да, – вставил Алекс. – У вас там есть бекламетазон, бупрофиллин, интраназальные статины... это нам все очень интересно.

– Прежде всего, если честно, – начал Пеллизоне-старший, – скажите, а сколько у вас медицинских представителей?

– Не столько, сколько бы нам хотелось, – уклончиво ответил Гуронов. В устах итальянца слово «честно» не предвещало ничего хорошего. Более того, количество медпредставителей «РосФарма» на самом деле равнялось нулю.

– Значит, нисколько, – согласился итальянец тоном человека, явно уставшего от российской действительности. – А какой у вас бюджет маркетинга за прошлый год?

Все молчали. Даже если этот бюджет и был в прошлом году, то никому эти цифры все равно были неизвестны.

– Понятно. Значит вам вовсе не нужны новые препараты. По крайней мере, не нужны без серьёзных структурных изменений.

Все сидели совершенно подавленные. Итальянец был прав. Серьёзные структурные изменения, даже любое отклонение от предыдущих планов, требовали согласований. Учитывая, что МинИмущества в последнее время воевало с МинПромом, согласование чего-либо могло произойти не раньше того дня, как в аду начнут продавать сливочный пломбир.

– Совсем не нужны? – вяло переспросил Алекс.

– Абсолютно. Вы их загубите, – пожал плечами Пеллизоне-старший.

Немного помолчав, он продолжил:

– Именно поэтому мы вам и предлагаем поставить наше оборудование под наши же препараты. Если же совсем все упрощать, то с вас – рабочие и инженеры, а также сертификация производства по западным и российским стандартам. Продавать наши лекарства на российском рынке мы будем вместе. Естественно, предполагается, что выпускать лекарства здесь было бы дешевле, чем на нашем заводе в Греции, и поэтому мы готовы даже рассматривать варианты вашего участия в европейском сегменте нашего рынка.

Замы заметно оживились. С таким партнером и с потенциальным окном в Европу, по крайней мере, вопрос о финансовой самостоятельности предприятия был бы практически решен. Более того, можно будет модернизировать производство, обновить линейку препаратов, перейти на современные методы управления компанией. Открывающиеся перспективы действительно впечатляли.

В это время в переговорную вошел Петров:

– Что они тут до сих пор делают? – удивленно сказал он по-русски.

– Сидим, – неопределенно ответил ему Валера.

– Так гоните их к черту. Скоро конец рабочего дня.

Итальянцы поглядывали то на Гуронова, то на Алекса в ожидании перевода. Серб, со все еще опухшим от аллергии лицом, еще больше покраснел и насупился.

Петров обратился к Гуронову и сказал:

– Вот смотри, как это делается.

И перейдя на английский обратился к недоумевающим итальянцам:

– Господа, нам нужны новые инновационные препараты.

– Простите, господин директор... – начал было Пеллизоне-старший.

Петров его не слушал:

– Если у вас такие препараты есть, то составьте договор, – Петров подошел к закрывшему лицо руками Алексу и отечески хлопнул его по плечу. – Вы нам определенно нравитесь, надо договариваться, надо начинать работать!

Затем он подошел к Пеллизоне-старшему и протянул ему руку:

– Спасибо, что заехали к нам, было очень приятно!

После рукопожатия он направился к двери.

Посмотрев вслед вышедшему Петрову, Алекс сказал, ни к кому, собственно, не обращаясь:

– Да, надо работать. Думаю, что и так все понятно.

Достав мобильник, он набрал Марину:

– Ты не могла бы распорядиться подать машину для итальянцев?

– Ой, а Сергей Вениаминович ничего об этом не говорил, – удивилась Марина. – Водителя уже отпустили домой. Может, вызвать им такси?

Алекс согласился, подумав, что стараться и дальше производить впечатление на итальянцев уже не было никакого смысла.

Попрощавшись с растерявшимися гостями, Алекс отправился в свой кабинет, чтобы впервые за весь день в тишине посмотреть новости в интернете. Все равно сейчас в метро час пик и снова терять пуговицу на пальто не хотелось. Нужно просто переждать. Ну как же это так? Такая возможность для бизнеса, и вроде все как-то начинало складываться с этими итальянцами, и вот тебе на! Словно черт попутал этого Петрова прийти в самый неподходящий момент и обрубить все концы. Вечером он, как русский, купит бутылку водки и копченую курицу, завернутую в лаваш в киоске у метро, и, может быть, это позволит ему пережить сегодняшний день. Не успел он включить компьютер, раздался звонок от Марины.

– Да, Марина, такси пришло?

– Знаете, у меня нет денег платить за их такси. Я их сама отвезу.

Алекс задумчиво отметил про себя, что у Марины все-таки проснулась совесть.

– Спасибо, – сказал он и повесил трубку.

Посмотрев безучастно на идущий снег за окном, Алекс набрал Машу.

– Алекс, привет, – затараторила она, – я уже вся распереживалась. Как там все прошло?

– Отвратительно. Машенька, я ничего не понимаю, люди приехали со своей линейкой препаратов, предложили поставить нам свое оборудование и технологии. С нашей же стороны ничего практически и не требовалось... Я не могу понять, почему нам не нужен этот бизнес?

– Алекс, ну может все еще обойдется? Ну, в самом деле, к кому еще эти итальянцы пойдут в Москве? К Брынцалову? В «Верофарм»?

– Не уверен, что обойдется...

В этот момент в дверь постучали и на пороге появилась Марина в пышной, слегка запорошенной снегом зимней шубе.

– Секундочку, Маша, не клади трубку, – сказал Алекс, не веря своим глазам.

– Представляете, у меня не заводится машина.

– А что итальянцы?

– Не переживайте за итальянцев, у них все нормально. Я их отправила на метро.

Конечно, никакой курицы в лаваше не случилось. Обычный чай с сэндвичем. Большое горе заедается только комфортной едой. Поздно вечером, глядя как Егор уплетает калорийный омлет с картошкой и беконом, Алекс, который большую часть вечера был нехарактерно для себя задумчив, спросил:

– Ты не боишься это есть на ночь? В Америке такое блюдо называют «харт-стоппер»⁴.

Тот неопределенно пожал плечами, докладывая себе еще бекона из стоящей между ними сковородки.

Посидев еще несколько минут, Алекс снова обратился к Егору:

– Знаешь, я все чаще чувствую себя Синдереллой. Ну, типа, Золушкой по-нашему.

– В смысле?

– Каждые полчаса просто дух захватывает от раскрывающихся возможностей – ну реально, через два рукопожатия знаю всех в этой стране... в нашей стране. Все доступно и можно самому создавать любую свою реальность.

– Да уж, это тебе не ботинки чистить на Гранд Централе, – подмигнул ему брат.

– Почему же ботинки чистить? – удивился Алекс. – Да, нет. Знаешь, что самое удивительное? То, что ровно с такой же регулярностью эйфория от безграничных возможностей сме-

---

⁴ Дословно – «сердцеостановитель»

няется глубочайшим отчаянием от того, что ничего не получается. Словно в России не работают законы физики: делаешь шаг, как тебе кажется, в нужном направлении, а оказываешься еще дальше от цели.

– По-моему, это просто начало биполярного расстройства. Но не расстраивайся, у нас тут полстраны с таким синдромом Золушки. Но в отличие от них всех, – подытожил Егор, – наша Золушка может смело присоединяться к этому омлету с беконом и не бояться будущего. Оно у нее обеспечено.

2007-й: февраль

Генерального директора сильно раздражал его собственный заместитель по маркетингу. И дело было не столько в его подчеркнuto независимом поведении или в том, что он действительно знал то, о чем говорил, а в простом и нелицеприятном факте, что Петров совсем не помнил, кто ему позвонил с просьбой взять Гуронова в команду. И самое скверное было то, что этот неизвестный оставался таковым, ибо ни разу после этого не позвонил ни поблагодарить, ни справиться об успехах своего протеже. Ну просто наваждение какое-то! Каждый раз, когда Петров видел Гуронова в своем кабинете, он мучился этой загадкой и подозревал, что его просто банально развели. Ни уволить, ни спросить Гуронова в лоб – все равно ведь не скажет! – он, будучи человеком осторожным, не рисковал.

– Сергей Вениаминович, – стоявший среди его офиса Гуронов понизил голос. – Вам надо обязательно съездить к Зурабову. На заводе новая команда – это просто необходимо.

– Зачем? – спросил Петров, не отрывая глаз от компьютера.

– Ну надо представить команду, рассказать про концепцию развития...

– Зачем?

– Ну так принято. Они ж всех и так знают как облупленных, а мы люди пришлые...

Петров оторвался от монитора и пылливо уставился на Гуронова. Хождение к чужим министрам могло оказаться рискованным делом. Дадут какое-нибудь поручение – так сам же, выходит, и напросился. И, кстати, почему Гуронов так радеет за Зурабова? Хотя если бы тогда звонили из Минздрава, Петров бы, конечно, запомнил.

– Давай сначала на ноги встанем. Зачем, Семен, нам суетиться?

– Ну вот именно для этого и надо! Чтобы не было проблем с регистрацией, сертификацией или вообще с производством наших препаратов.

– Ну хорошо, договоритесь о встрече – надо так надо, – пожал плечами Петров. – А, вообще, правильно ли будет мне к нему ехать? Слушай, может, лучше наоборот, а мы заодно ему покажем завод? Ну, например, в следующий вторник?

Даже у выдавшего вида Гуронова с лица на секундочку сползла нейтральная улыбка. Им обоим было прекрасно известно, что привести министра на завод стоило бы серьезных денег. Выйдя из кабинета Петрова и убедившись, что в приемной никого нет, Гуронов смачно выругался и ушел к себе пить кофе.

Уговоры Петрова шли целую неделю, прежде чем он согласился поехать на встречу к министру. Алекс, Гуронов и Валера вошли в группу поддержки, поскольку рисковать срывом встречи было никак нельзя.

Повернув под арку со Славянской площади, замы подошли к зданию Министерства здравоохранения.

– Ну что, стоим ждем Петрова? – сказал Гуронов, поглядывая на часы, – он обещал подъехать вовремя.

– Может, пойдем внутрь? Там теплее, – предложил Алекс.

– И то правда, замерз наш американец как цуцик, заболит, а нам потом отвечать, – засмеялся Валера, потирая руки в перчатках.

– Нельзя. У нас один пропуск на всех...

– И что? – удивился Алекс.

Гуронов посмотрел на него безнадежно:

– Ты что, не видишь этот снег, берёзки и киоск с блинами напротив? Проснись и начни уже думать по-русски. Во-первых, пропуск отберут на входе и больше не отдадут, а во-вторых, подчиненные все равно должны страдать, когда начальство опаздывает, – Гуронов опять посмотрел на часы и добавил в сторону. – Где его черти носят?

Помолчав с минуту, Валера хитро посмотрел на Гуронова.

– А что, господин Гуронов, не пора ли нам открывать лыжный сезон? Я вот думаю поехать покататься в Мерибель.

– Валера, ты можешь намного дешевле и с большим удовольствием покататься у нас на Урале, – немного свысока ответил ему Гуронов.

Почему они пикируются на ровном месте – им что, не дает покоя борьба за звание любимой жены? Ведь еще недавно они вместе обедали – признак высшей чиновничьей симпатии. Какая кошка между ними пробежала? Каждый из них был по-своему симпатичен Алексу и он поддерживал строгий нейтралитет.

– А ты, господин Гуронов, на каких лыжах катаешься? – не сдавался Валера.

– У меня – «Атомик», – сухо ответил Гуронов.

– «Атомик»? Так мне приятель сказал, что это для лохов, – Валера подмигнул Алексу.

Гуронов смерил Валеру уничижительным взглядом:

– Твой приятель? Неудивительно.

«Так они еще и подерутся, пока Петров приедет», – подумал Алекс и сказал:

– А я вот тоже вчера столкнулся в метро со старушкой с лыжами. Сама на ладан дышит, а все туда же.

Оба зама посмотрели на Алекса с недоумением, но, прежде чем они нашли, что сказать, из здания Росздрава выскочили двое полицейских. Полицейские продефилировали мимо удивленных замов и трусцой направились к приближающейся возбужденной толпе. Ее возглавляли четверо молодых людей, несших черный бутафорский гроб с белой надписью «СПИД». За ними следовали другие с плакатами: «Зурабов – где лекарства?», «Заместительная терапия остановит СПИД», «Не хороните нас – мы живые!». Казалось, что не менее половины толпы составляли люди с желтыми бэйджами «пресса».

– Активисты хреновы, государство им миллиарды рублей выделило, а они все недовольны, – заявил Гуронов и повернулся к ним спиной.

– Это все наркоманы разносят СПИД. Вот в средние века крысы разносили чуму, а теперь они... – осуждающе заметил Валера.

Глядя на протестующих, Алекс вспомнил, как в колледже во время занятий по медицинской химии в аудиторию вбежал растрепанный студент младшего курса и закричал: «Наших бьют – полиция штурмует студенческий центр!». Все немедленно переместились к студенческому центру, где полиция уговаривала разойтись сидящих у входа и сцепившихся руками студентов. Отдельные полицейские вели себя довольно агрессивно и грозились использовать баллончики со слезоточивым газом. Против чего протестовали и что скандировали студенты, Алекс не понял, но вторжение городской полиции в стены колледжа было само по себе явлением экстраординарным, и из чувства студенческой солидарности он сел вместе с друзьями на брусчатку между студенческим центром и полицейскими машинами. На брусчатке красным кирпичом было выложено «Leges Sine Justicia Vanae»⁵. В это время подоспел президент университета, и после недолгих переговоров полицейские ретировались с территории под свист и радостные крики студентов.

Когда толпа почти поравнялась с замами, Алекс вдруг понял, что нужно делать для спасения завода. Конечно же, участники протестной акции требовали от Зурабова не дешевых лекарств, производимых «РосФармом» и еще, как минимум, десятком других отечественных компаний. Речь безусловно шла о новейших патентованных антиретровирусных препаратах, на которые никто из российских фармкомпаний не мог получить лицензию, и Минздрав был вынужден покупать их за границей. «Можно, конечно, попробовать уговорить американцев дать нам лицензию...», – думал Алекс. Это бы дало заводу фактическую монополию на рос-

---

⁵ Законы без справедливости бесполезны (лат.).

сийском рынке. Но мысли его неслись дальше. Он вспомнил, что перелом борьбы со СПИДом среди наркоманов на Западе наступил только когда начали сочетать эти самые препараты с заместительной терапией. Двойной удачей такого подхода было не только эффективное удержание вчерашних наркоманов в поле зрения врачей. Неожиданно уменьшилось распространение особо опасных штаммов ВИЧа, которые не поддавались даже самым передовым патентованным препаратам. У Алекса не осталось и тени сомнения. «РосФарм» однозначно должен разработать и вывести на рынок какой-нибудь препарат для лечения наркоманов!

Тем временем набежало еще с полдюжины полицейских, и они начали отводить активистов в появившийся буквально ниоткуда полицейский фургон. Под конец самый толстый полицейский, который стоял в сторонке и наблюдал, указал коротким пальцем на одного из протестующих, крепко вцепившегося в дверную золоченую ручку министерства:

– Василий, чего стоишь? Давай и его в машину!

– Товарищ майор... Он тут... – парень в полицейской форме подыскивал правильные слова, – это... Не могу.

Оказалось, что активист успел приковать себя наручниками к дверной ручке учреждения.

Посмотреть, как развивались события дальше, Алексу не удалось, так как появился Петров, и им пришлось боком протиснуться мимо явно довольного активиста в здание министерства.

Пока замов отпаивали горячим чаем в приемной у Зурабова, министр холодно обещал Петрову поддержку.

* * *

Гурунов с Алексом пообедали в кафе «Барракуда». Алекс только что изложил приятелю идею о заместительной терапии и с нетерпением ждал, что тот ему скажет. Гурунов не торопился отвечать, жестом подозвал официанта и попросил заменить остывший кофе. Удивительно, подумал Алекс, еще несколько минут назад Гурунов смеялся над тем, как Алекс пытался добиться от официанта такой простой вещи, как стакан воды со льдом.

– Не думаю, что Петрову это понравится, – наконец сказал Гурунов скептически.

– Но ведь ты же сам сказал, что рынок там золотой? – удивился Алекс.

– Конечно, золотой. Более того, если это будет работать даже на треть от того, что ты тут нарасказывал, то только один этот препарат даст нам больше прибыли, чем вся наша текущая линейка, – подтвердил Гурунов.

По какой-то причине ему нравилось, как в Алексе сочетаются энтузиазм и наивность. Единственное, чего он пока не мог понять, как из этого всего можно было бы извлечь пользу.

– Ну, так какого черта? – буркнул Алекс и принялся за суфле.

– Потому что у Петрова другая задача. Кстати, что за препарат ты предлагаешь?

– Да хоть тот же бупрофиллин. У него оказался уникальный фармакологический профиль... – начал было Алекс, но тут же осекся. – Подожди, что значит другая задача? Насколько я понимаю, нашей команде поставили задачу отжать рейдеров, банкротивших завод, наладить бизнес...

– О какой команде ты говоришь? – перебил его Гурунов.

– Ну, Петров, я, ты, Валера... – немного растерянно начал Алекс.

– Ты ошибаешься. Во-первых, я не в вашей команде.

Алекс не мог поверить своим ушам. Во всем корпоративном мире всегда требовалась хотя бы формальная лояльность команде. Иначе же вообще ничего не получится. А в условиях борьбы с рейдерами их команда была сродни русскому варианту «Неприкасаемых» или даже скорее передранной с Куросавы «Великолепной Семерки», и это придавало важный смысл

его в общем-то унылому, подвешенному существованию. Только так и можно было победить «Кобраком» и самого Владимира Багратионовича. Именно ради этого он пожертвовал профессиональным ростом, хорошей зарплатой и спокойной американской жизнью. А что если Гуронов прав и никакой команды и вовсе нет? Тогда нет ни хороших парней, ни рейдеров, ни бедных работяг на заводе... и вообще все это сплошной блеф? Персонаж Стивена МакКвина с кольцом сорок пятого калибра, которого Алекс сделал заставкой экрана своего корпоративного компа, отвернулся и зарыдал. Увидев непонимание на лице Алекса, Гуронов продолжил:

– А во-вторых, у Петрова совсем другой круг задач. Ну вот смотри, как ты думаешь, сколько «РосФарм» имеет площадей в пределах Садового кольца?

– Не помню, пару гектаров?

– Больше шести. Так вот, стоимость этой земли, если ее отдать под застройку, в десятки раз превышает годовой оборот компании. И кому тогда этот «РосФарм» как бизнес нужен? Ну теперь-то ты понял?

Алекс медленно начал постигать суть сказанного.

– Подожди, ты хочешь сказать, что мы отжимаем у рейдеров не бизнес, а фактически землю в центре Москвы?

– Наверное. Но пока это позиция только части чиновников. Другая часть не хочет ничего менять, а просто построить такую же систему, что и у рейдеров, но только под своим флагом.

У Алекса неожиданно пропал аппетит. Он резко отодвинул креманку с суфле.

– Ну хорошо, ты же профессионал, ты-то чего тогда на «Росфарме» делаешь?

– А вот как раз нашу команду интересует бизнес, – Гуронов сделал ударение на слово «нашу». – Мне кажется, что все интересы вполне можно разрулить, если не настаивать на самых тупых схемах распила государственной собственности. Поэтому мне твоя идея интересна, а вот Петрову – не уверен. Если вдруг «РосФарм» станет суперприбыльным бизнесом, то это определенно может расстроить некоторых людей за его спиной. Потому что заполучить все эти гектары земли можно только в случае, если компания является банкротом. Как это сделали, например, с заводом Лихачева. Слышал о таком? Короче, Петров, конечно, может рискнуть с таким проектом, но он слишком опытный политик и у него слишком много врагов.

В конце дня, сидя с братом на кухне и наблюдая, как он сигаретой аккуратно проделывает дырку в пластиковой бутылке из-под кока-колы, Алекс задал вопрос, который его мучил с обеденного разговора с Гуроновым.

– Егор, а вообще, какая у нас сверхзадача на «РосФарме»? Ну, я имею в виду, мы собираемся действительно строить бизнес или только отжать собственность у «Кобракома»?

Егор, словно не слыша вопроса, продолжал колдовать над пластиковой бутылкой. Алекс терпеливо ждал. Наконец, Егор довольно осмотрел свою поделку:

– Смотри, здесь ты сигаретой греешь маленький кусочек гашиша, наполняешь бутылку дымом. При этом нужно вот эту дырку закрыть большим пальцем.

– Какой фигней ты занимаешься! И как тебе доверяют госсобственность?

– Ну, во-первых, госсобственность вызывает немереное количество стресса, и это, – он с гордостью показал на свое творение, – это, как ты там говорил – «самолечение аффективных состояний», то есть этого самого стресса. Я же правильно понял господина ученого?

– Да, – нетерпеливо ответил Алекс, видя, что Егор пытается уйти от заданного вопроса. – Но все-таки, как насчет...

– Если ты полагаешь, что объекты госсобственности нельзя доверять ценителям каннабиноидов, то тогда бы эти объекты были либо в руках ценителей героина, либо в руках маньяков, навсегда погрязших в тех самых аффективных состояниях.

– Ладно, хватит плакаться о тяжелой чиновничьей доле. Ты мне лучше ответь – мы зашли на «Росфарм», чтобы крысить собственность или заниматься делом?

– Кто тебе сказал такую чушь?

– Гуронов. Он единственный из всей команды, кто понимает в этом бизнесе. И мне кажется, что только он и заинтересован в развитии компании, в то время как...

– Алекс, – Егор сокрушенно покачал головой, – а ты не допускаешь, что Гуронов говорит тебе то, что ты хочешь от него услышать? Что сказочные персонажи, которые поставили этого самого Гуронова на «РосФарм», ведут свою собственную игру? И, может быть, именно они хотят украсть госсобственность под самыми благими предложениями?

– Да, но... – начал Алекс и запнулся. Неужели он переоценил Гуронова? Неужели ему нельзя верить?

– Верить здесь нельзя никому, – словно читая мысли Алекса назидательно произнес Егор. Алекс мрачно посмотрел на брата. Если предположить, что Гуронов может вести двойную игру, то тогда и Петров может делать то же самое, да и все другие.

– А тебе-то самому верить можно? – вдруг спросил Алекс.

– Мне? – удивленно переспросил Егор. – Ну здесь-то все как раз понятно: я твой близкий родственник. И даже больше – в каком-то смысле у тебя просто нет выбора, ведь я твоя добрая фея.

* * *

Благотворительный фонд «Исток», который, согласно Яндекс, был одним из организаторов протестной акции у Минздрава, располагался на втором этаже частной поликлиники. Согласно Яндекс же, приоритетом фонда являлась защита прав ВИЧ-инфицированных и наркозависимых. Алекс придержал дверь для молодой мамы с годовалым ребенком на руках и поднялся вслед за ней на второй этаж. К его удивлению, женщина с ребенком проследовала до обитой темно коричневым дерматином двери с табличкой «БФ «Исток»». Алекс вошел вслед за ней и попал в большую светлую комнату с полудюжиной заваленных бумагами столов, за которыми сидели, курили, разговаривали с друг другом и с посетителями работники фонда. Тут же звонили телефоны и в углу рядом с открытыми пачками чая, сушек и печенья закипал электрический чайник. В Москве ни одно служебное помещение не могло называться офисом до того, как там закипал чайник и посетителю не предлагали сушки или пряники. Дверь во вторую комнату – видимо, кабинет главного менеджера – была снята с петель и прислонена к стене. Алекс и женщина стояли и молча смотрели на происходящее. Ребенок, не мигая, разглядывал Алекса большими голубыми глазами. Алекс улыбнулся ему полноценной американской улыбкой. Ответной улыбки не последовало. Тогда Алекс улыбнулся ребенку еще шире. С тем же успехом. Тогда он щелкнул языком, от чего молодая женщина вздрогнула, а колдовавший над дверью парень оглянулся. Посмотрев на вошедших, он обратился к кому-то в кабинете: – Саша, к тебе пришли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.